

Alexander DMITRIEV My conservatory years

Interview with Alexander Dmitriev, Professor of the Department of Opera and Symphonic Conducting of the St. Petersburg Conservatory and People's Artist of the USSR. A graduate of the Leningrad Conservatory (1958), A. Dmitriev recalls his years of study at the Conservatory.

Keywords: A. S. Dmitriev, E. P. Kudryavtseva, G. A. Dmitrevsky, N. S. Rabinovich, E. A. Mravinsky, A. A. Bronevitsky, E. S. Piekha, ensemble "The Friendship".

Александр ДМИТРИЕВ Мои консерваторские годы

Интервью с профессором кафедры оперно-симфонического дирижирования Санкт-Петербургской консерватории, Народным артистом СССР Александром Сергеевичем Дмитриевым. Выпускник 1958 года делится с читателями воспоминаниями о годах учебы в консерватории.

Ключевые слова: А. С. Дмитриев, Е. П. Кудрявцева, Г. А. Дмитревский, Н. С. Рабинович, Е. А. Мравинский, А. А. Броневицкий, Э. С. Пьеха, ансамбль «Дружба».

Александр Сергеевич Дмитриев — Народный артист СССР. Лауреат Государственной премии Российской Федерации, один из самых авторитетных и известных дирижеров современной России. Творческая биография А. С. Дмитриева началась шестьдесят лет назад, уже в 1960 году он стал работать в Симфоническом оркестре Карельского радио и телевидения (ныне Симфонический оркестр Карельской государственной филармонии), который возглавил в 1962 году. В 1971 году он занял пост главного дирижера Ленинградского Малого театра оперы и балета (ныне Михайловский театр). Большая часть артистической жизни А. С. Дмитриева была связана с Академическим симфоническим оркестром Санкт-Петербургской филармонии, художественным руководителем и главным дирижером которого он оставался более сорока лет — с 1977 по 2018 год.

А. С. Дмитриев окончил два факультета Ленинградской (Санкт-Петербургской) государственной консерватории по специальностям «хоровое дирижирование» (под руководством профессора Е. П. Кудрявцевой) и «теория музыки» (под руководством профессора Ю. П. Тюлина). В дальнейшем А. С. Дмитриев обучался в аспирантуре по специальности «оперно-симфоническое дирижирование» под руководством профессора Н. С. Рабиновича.

Дмитрий Брагинский. Александр Сергеевич, скажите, пожалуйста, Вы все пять лет учились в консерватории как хоровой дирижер в классе профессора Елизаветы Петровны Кудрявцевой?

Александр Дмитриев. Когда я окончил Хоровое училище Капеллы и поступил на первый курс в 1953 году, меня взял в свой класс Георгий Александрович Дмитревский, который знал меня по училищу. В то время он был одним из самых авторитетных «хоровиков» не только Ленинграда, но и всей страны. Дмитревский занимал пост художественного руководителя Капеллы, был профессором консерватории и заведующим кафедрой хорового дирижирования. Я начал заниматься, но в декабре Георгий Александрович внезапно скончался, ему было только пятьдесят три года. Это случилось у меня на глазах, во время репетиции, когда Георгий Александрович готовил для филармонии Реквием Берлиоза. Он дал импульсивный афтакт хору к началу «Dies irae» и внезапно упал, как подкошенный. Несколько женщин из хора пытались ему помочь. Вызвали врача, приехала «скорая помощь», но все было тщетно.

После этого трагического случая Елизавета Петровна взяла меня в свой класс, и я стал ее студентом. Она сыграла очень важную роль в моей жизни. Выдающийся хоровой дирижер, ученица М. Г. Климова и А. А. Егорова, она в свое время мечтала стать симфоническим дирижером и училась факультативно не только как хоровой дирижер, но и как дирижер симфонического оркестра в классе Александра Васильевича Гаука. Елизавета Петровна привила мне многие навыки, научила технологическим приемам, которые пригодились потом при дирижировании оперой и симфоническим оркестром.

Д. Б. Скажите, пожалуйста, Вы думали о том, что станете дирижером симфонического оркестра с первых дней учебы в консерватории?

А. Д. Нет, я об этом не думал. Этот поворот в моей жизни произошел достаточно случайно. В 1957 году в Москве состоялся Шестой Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Фестиваль был явлением огромного масштаба. Он проходил в течение двух недель, и почти все культурные учреждения Советского Союза старались принять участие в этом грандиозном форуме.

Начало 1950-х. В годы учения в Хоровом училище Капеллы имени М. И. Глинки. Александр Дмитриев крайний справа

Руководство Ленинграда для подготовки к нему решило провести свой фестиваль. Консерватория получила возможность послать в Москву два студенческих коллектива: симфонический оркестр и хор. Обсуждали репертуар для концерта и остановились на кантате П. И. Чайковского «Москва» для солистов, хора и оркестра. Было решено, что дирижировать должен кто-то из студентов консерватории, после чего был объявлен открытый конкурс среди студентов дирижерско-симфонического факультета, но хоровики заявили, что и они не хуже, и настояли на участии в этом отборе.

Так я стал участником конкурса. Выиграв его и получив звание лауреата, в чем, без сомнения, была заслуга Елизаветы Петровны, я получил право выступить на московской сцене. Но, увы, в Москву я не поехал. После конкурса, в марте 57-го года в Ленинграде неожиданно установилась прекрасная зимняя погода, я поехал кататься на лыжах, сломал ногу, и она оказалась на полгода в гипсе. Вместо меня в Москву поехал дирижиро-

вать Неэме Ярви, ученик профессора Н. С. Рабиновича, впоследствии ставший дирижером с мировым именем. Кстати, оба его сына, Пааво и Кристиан, также стали симфоническими дирижерами.

В 1958 году я окончил два факультета: хорового дирижирования и теоретико-композиторский. На третий факультет я формально не имел право поступить, поэтому для меня нашли выход: я начал учиться в аспирантуре по специальности «оперно-симфоническое дирижирование» в классе профессора Рабиновича. Если бы не московский фестиваль и не консерваторский конкурс, Николай Семенович мог не обратить на меня внимание, и еще неизвестно, как сложилась бы моя судьба.

Д. Б. Как долго Вы учились в классе Н. С. Рабиновича?

А. Д. Как я уже сказал, я учился у него в аспирантуре, а тогда это был трехлетний период обучения. В 1960 году Николай Семенович сообщил мне, что свободно место второго дирижера симфонического оркестра Карельского радио и телевидения (ныне это Симфонический оркестр Карельской государственной филармонии). «Поезжай в Петрозаводск, тебе будет очень полезно заниматься практической работой», — сказал он и рекомендовал меня руководству оркестра. Так я в двадцать пять лет начал свою трудовую деятельность, через год став главным дирижером. Я уехал в Петрозаводск, где пребывал большую часть времени, но постоянно приезжал в Ленинград, продолжая заниматься с Николаем Семеновичем. В 1961 году я завершил обучение.

Мне очень пригодилось, что в свое время я учился игре на скрипке. Мой отец играл в оркестре Евгения Александровича Мравинского, который сейчас называется «Заслуженный коллектив Республики». Когда началась Отечественная война, оркестр эвакуировали в Новосибирск, а когда мне исполнилось семь лет, отец стал иногда брать меня на репетиции. Даже не знаю почему, но мне очень понравилась скрипка, и я стал учиться играть на ней. Когда мы вернулись из эвакуации в Ленинград в 1944 году, я со второго класса стал учиться в Хоровом училище Капеллы. Там был в то время свой симфонический оркестр, все ученики обучались игре на двух инструментах, на обязательном фортепиано и каком-либо оркестровом инструменте. Понятно, что я выбрал скрипку и продолжал играть еще девять лет до выпускного класса. Это помогло мне учиться в классе Рабиновича: я знал специфику игры на струнных инструментах и в этом смысле был уже подготовленным студентом. Николай Семенович был потрясающим знатоком технологии игры на струнных инструментах и часто давал очень ценные советы. У меня хранятся два томика партитур симфоний Брамса со штрихами, написанными им собственноручно. Они способствовали пониманию стиля симфоний Брамса, да и классики в целом.

Д. Б. Чем Вам запомнились занятия с Н. С. Рабиновичем?

А. Д. Николай Семенович обладал замечательной музыкальной памятью и знал огромное количество произведений. Многие опусы помнил наизусть, мог сесть

1957 год, Малый зал
имени А. К. Глазунова.
Исполнение кантаты «Москва»
П. И. Чайковского.
Александр Дмитриев
за дирижерским пультом
перед симфоническим оркестром
и хором студентов Ленинградской
консерватории

за рояль и сыграть отрывки из оперы Вагнера, например. Это меня совершенно поражало. С другой стороны, отдавая предпочтение классике, он обходил своим вниманием импрессионистов, Рахманинова, некоторых других композиторов. В тоже время высоко ценил и знал Шостаковича. Был первым исполнителем в Ленинграде «Реквиема» Бриттена.

В связи с моей работой в Петрозаводске у меня оказалась идеальная форма обучения — в классе Николая Семеновича я овладевал теоретическими познаниями, а в Карелии мог применить их на практике, которой всегда не хватало в консерватории. В Карелии мне пришлось исполнять много современной музыки. Там было отделение Союза композиторов СССР, которое возглавлял Гельмер Синисало, и в наших концертах часто звучала музыка карельских композиторов. Она также записывалась в фонд Всесоюзного радио. Классическую и зарубежную музыку мы, конечно, тоже исполняли. Карельский оркестр именно под моим руководством впервые выступил в Ленинграде. В концертном зале Капеллы состоялся концерт, в котором Павел Алексеевич Серебряков (тогда ректор консерватории) исполнил Первый концерт Чайковского для фортепиано с оркестром. Коллектив продолжает приезжать в Петербург и сейчас.

В Петрозаводске я проработал десять лет. Так случилось, что в это же время, с ноября 1968 по май 1969 года я успел поучиться в венской Академии музыки и исполнительского искусства.

Д. Б. Скажите, пожалуйста, а как стала возможна ваша стажировка в Вене?

А. Д. В 1966 году состоялся Второй Всесоюзный конкурс дирижеров, на котором я получил четвертую

премию. После конкурса Министерство культуры СССР решило послать меня на стажировку в Вену, в европейскую «столицу» симфонического и оперного искусства. Это был своеобразный обмен — студенты из Вены приезжали в Москву, в основном это были скрипачи, учившиеся у Ойстраха, а дирижеры стажировались в Вене. Моими руководителями в Вене были Ханс Сваровски и Карл Эстеррайхер. Причем Сваровски занимался теоретической частью, а Эстеррайхер — практической. После стажировки я вернулся в Петрозаводск и продолжал работать там.

В 1967 году состоялся мой дебют с симфоническим оркестром, а в ноябре и с Заслуженным коллективом филармонии. На концертах побывал Эмиль Пасынков, главный режиссер Малого оперного театра и пригласил меня на работу в театр, где в 1971 году я занял место главного дирижера. Причем опыта дирижирования оперными спектаклями у меня не было. Только во время учебы в аспирантуре у Николая Семеновича я дирижировал «Русалкой» А. С. Даргомыжского в Оперной студии консерватории. Но тем было интереснее. А в 1977 году по приглашению филармонии и Е. А. Мравинского я стал художественным руководителем и главным дирижером Симфонического оркестра.

Д. Б. Известно, что в студенческие годы Вы были участником знаменитого вокально-инструментального ансамбля «Дружба». Расскажите, пожалуйста, как Вы попали в этот коллектив.

А. Д. Ансамбль «Дружба» возник в консерваторские годы, когда я учился на третьем курсе дирижерско-хорового факультета. Это было время, когда уже можно было послушать джаз, записи американского мужско-

Александр Дмитриев
в составе ансамбля «Дружба»
(стоит четвертый справа),
1957 год. Рядом с ним слева
В. А. Чернушенко.
В центре сидит Эдита Пьеха

го вокального квартета «The Four Freshmen», других ансамблей.

Когда я еще учился в Капелле, мы все смотрели кинофильм «Встреча на Эльбе» с музыкой Шостаковича. Там была сцена в ночном клубе, заполненном американскими солдатами. Как изобразить американцев языком музыки? Шостакович воспользовался джазовыми средствами и написал замечательную тему, где намеренно воспользовался параллельными квинтами, что, конечно, правилами гармонии строго запрещено. Параллельные квинты воспринимались, как некий «особый знак» свободы и раскованности. И летом, проходя по двору Капеллы, из окон во время перемен можно было услышать этот запоминающийся мотив.

Поэтому нам самим было очень интересно организовать вокальный ансамбль, а поскольку хоровики были ребята со слухом, то сначала мы решили петь а саррелла, без сопровождения. Душой нового коллектива стал Александр Броневицкий. Когда мы учились на четвертом курсе, он уже окончил консерваторию как хоровой дирижер и учился на втором факультете, как композитор. Начав с пения а саррелла, впоследствии ансамбль стал вокально-инструментальным, и мы назвали его «Дружба». Название возникло, когда Броневицкий нашел в хоре университета, которым он руководил, обладательницу редкого контральто и красивой внешности. И она стала солисткой. Ее звали Эдита Пьеха. Она родилась во Франции, потом жила какое-то время в Польше и говорила по-русски, по-французски и по-польски. Кроме того, членом ансамбля стал немец Вернер Мачке. Он, как и мы, учился на дирижерско-хоровом факультете, но в «Дружбе» играл на контрабасе. Потом Мачке уехал в Германию, впоследствии стал проректором консер-

ватории имени Карла Вебера, а потом занял место директора Kulturpalast, Дворца культуры, одного из самых известных залов Дрездена. На электрогитаре в «Дружбе» играл еще один немец, точнее немецкий поляк по имени Рольф Шаблинский. В отличие от нас, Рольф учился не в консерватории, а на факультете журналистики в университете. Впоследствии он стал очень известным журналистом в Берлине. На фортепиано в «Дружбе» играл Броневицкий, он был прекрасным пианистом.

После выступлений по разным клубам, которые были своего рода репетициями, мы решили устроить концерт в консерватории, в Малом зале имени Глазунова. Успех был совершенно потрясающий, на концерт невозможно было попасть. Была вся профессура, студенты просто ломались на концерт. Это было новое слово в эстраде, по сути дела, это был первый вокально-инструментальный ансамбль в Союзе, причем все исполнялось на очень высоком профессиональном уровне. Мы пели на разных языках мира. Мы пели польские песни, одна из самых известных называлась «Червоный автобус», она стала настоящей сенсацией. Пели французские песни. Броневицкий где-то доставал ноты кубинских песен, которые мы исполняли на испанском языке. Ансамбль «Дружба» с успехом выступил и в Москве, на Фестивале молодежи и студентов. Увы, без меня, из-за ноги в гипсе. Когда я стал учиться в аспирантуре, времени катастрофически не хватало и пришлось уйти из «Дружбы».

Теплые воспоминания о замечательных годах, проведенных в консерватории, по-прежнему остаются со мной. Это время сформировало меня как музыканта, определило меня, как личность.

С А. С. Дмитриевым беседовал Д. Ю. Брагинский.